

Информационные технологии и искусственный интеллект в публичной сфере

УДК 37

А. И. Музыкантский, Е. А. Кувыркова

Рефеодализация публичной сферы: очередная попытка

Аннотация:

В начале 1960 гг. Юрген Хабермас ввел понятие публичной сферы, исследовав причины ее зарождения, расцвета и упадка (рефеодализации). Развитие в конце XX в. информационных технологий породило надежды на становление виртуальной публичной сферы. Однако, компании IT-гиганты, монополизировав эту сферу, обрели возможность оказывать влияние на общественное мнение и на государственную политику в своих интересах. Рассматривается вопрос: сможет ли государство ограничить деятельность подобных компаний. Высказывается предположение, что подобные циклы развития и рефеодализации публичной сферы основанной на инновационных принципах могут происходить и в дальнейшем.

Ключевые слова: концепция публичной сферы, рефеодализация публичной сферы, виртуальная публичная сфера, IT-гиганты; противостояние IT-гигантов и государства

Об авторах: Музыкантский Александр Ильич, кандидат технических наук, МГУ имени М.В. Ломоносова, заведующий кафедрой информационного обеспечения внешней политики факультета мировой политики; эл. почта: aim@mccme.ru

Кувыркова Екатерина Александровна, МГУ имени М.В. Ломоносова, старший преподаватель кафедры информационного обеспечения внешней политики факультета мировой политики; эл. почта: barinovaeka@gmail.com

Юрген Хабермас и концепция публичной сферы

Юрген Хабермас сформулировал понятие публичной сферы в одной из ранних своих работ в начале 60-х гг. XX в. в работе «Структурное изменение публичной сферы: исследование относительно категории буржуазного общества», русский перевод которой появился только в 2016 г. [5]. В работе Хабермас вводит определение публичной сферы,

исследует ее возникновение, расцвет и упадок. Ее зарождение он связывает с развитием капитализма. Тогда, в XVIII в. пресса стала общедоступной и трансформировала докапиталистическое атомизированное общество в общество социальное, где каждый человек связан с другими людьми.

Этот период Хабермас называет периодом существования идеальной публичной сферы. Ее характерные признаки: открытая дискуссия, критика действий власти, полная подотчетность, гласность и независимость действующих лиц от экономических интересов и контроля государства, свободное выражение своего мнения, возможность проверки достоверности информации. Доступ к достоверной информации и возможность обсудить ее способствует формированию не только публичной сферы, но и эффективного демократического общества. Публичная сфера становится одним из элементов легитимации власти.

Характерным примером формирования идеальной публичной сферы Хабермас называет Англию периода XVIII-XIX вв. Там в это время формируется класс предпринимателей, свободный от влияния власти и церкви. Растет грамотность населения, увеличиваются тиражи изданий, сеть издательств и библиотек. Еще в 1695 г. в Англии был принят Закон, который позволил газетам печатать то, что они хотят, без цензуры со стороны королевской власти. И одновременно возникает прослойка вольнодумцев, средством объединения которых на первом этапе становятся кружки, литературные салоны. Эти объединения получают на первых порах поддержку предпринимателей, создают независимые средства массовой информации и становятся инструментом в борьбе за власть путем ограничения монархии, расширения полномочий парламента. Так пресса, освободившись от опеки покровителей, становится четвертой властью и способствует формированию полноценной политической оппозиции, становится регулятором общественной жизни и площадкой для формирования общественного мнения.

Рефеодализация публичной сферы

Однако развитие капитализма стало основной причиной не только расцвета публичной сферы, но и ее упадка. Этот процесс, проявившийся уже в начале XX в., Хабермас называет рефеодализацией публичной сферы. К этому времени рыночные отношения проникли в публичную сферу, информация превращается в товар. Рост рекламы, маркетинга и «связей с общественностью», ведет к манипулированию общественностью и препятствует критическому мышлению. Дебаты сменились агитацией в борьбе за частные интересы, политические партии и СМИ начали получать финансирование от бизнеса, парламент больше не опирался на общественное мнение.

Средства массовой информации постепенно утратили свою основную функцию информирования и начали играть роль манипуляции и навязывания. Вместо организации открытой дискуссии и критики действия власти СМИ стали выступать в качестве инструмента продвижения в обществе мнения, отражающего интересы бизнеса, лоббируя эти интересы.

Свои классические работы, посвященные публичной сфере, ее расцвету и ее рефеодализации, Хабермас написал, как уже указывалось, еще в начале 60-х гг. Однако особо широкую известность эта концепция получила после перевода его работ на английский язык в конце 80-х гг.

Виртуальная публичная сфера

Этот возросший интерес в значительной степени был обусловлен развитием информационно-коммуникационных технологий, в частности, сети Интернет. Все большее число людей овладевало компьютерной грамотностью, появилось громадное число персональных компьютеров. Возник термин «виртуальная публичная сфера». И появилась надежда, что на основе новых технологий для самой широкой части общества могут быть реализованы утраченные возможности идеальной публичной сферы: доступ к достоверной информации, возобновление интеллектуальных дискуссий, возможность каждого участника обсуждения высказывать свою точку зрения. К тому же, если традиционные средства массовой информации во многом превратились в инструмент государственной пропаганды, то частные ИТ корпорации сохраняют достаточную степень независимости от прямого государственного регулирования.

Разумеется, в начале 60-х гг. Хабермас не мог предусмотреть столь бурного развития электронных коммуникаций, но многие критики его теории рефеодализации публичной сферы (например, Фрэнк Уэбстер) в 90-х гг. указывали именно на этот недостаток его концепции [4].

Рефеодализация виртуальной публичной сферы

И все-таки бурное развитие электронных коммуникаций в начале XXI в. показало крах всех надежд на формирование «идеальной виртуальной публичной сферы». Более того, имеются все основания говорить о новой рефеодализации виртуальной публичной сферы, которая идет даже в более жестких формах, чем та, о которой писал Хабермас.

Надежду на формирование «идеальной виртуальной публичной сферы» создавал процесс взаимодействия между большим числом конкурирующих между собой и находящихся вне государственного контроля виртуальных ресурсов. Действительно, практически каждый пользователь имел возможность создать свой собственный

информационный ресурс, свободный от государственной цензуры. Это и сформировало представление о реальности получения объективной информации. К тому же, по крайней мере на начальном этапе, эти частные информационные ресурсы наполнялись почти исключительно рекламно-развлекательным контентом, что и обеспечивало низкий уровень внимания государства к их становлению и развитию.

Однако стремительное развитие электронных коммуникаций достаточно быстро привело к созданию супергигантов в сфере электронных ресурсов. Этот процесс прочно вписался в общую философию общества потребления. Информационная «машина» действует по экономическим правилам, какой бы сферы жизни общества она ни касалась. Характерным примером тому служит история Джеффри Билла, американского библиотековеда, самостоятельно создавшего список «журналов-хищников», использующих некорректные методы публикации. Этот список к началу 2017 г. состоял из 1155 издателей и 1294 журналов и пользовался популярностью в качестве достоверного источника проверки на добросовестность. Однако в результате угроз судебных разбирательств список был удален. Преграда, поставленная публикационной машиной, разбилась по законам действия этой машины [1].

Развлекательно-досуговый контент этих ресурсов стремительно замещается контентом актуально-политическим. Это приводит к тому, что электронные супергиганты, транслируя свою информацию десяткам миллионов пользователей, получили широкие возможности для формирования общественного мнения по актуальным политическим вопросам в соответствии со своими интересами. При этом в новой ситуации термин «рефеодализация» даже более полно описывает сложившуюся ситуацию, поскольку новые IT гиганты – это частные компании, и во многих аспектах их сфера деятельности находится вне зоны государственного регулирования. Например, прямой запрет на публикацию той или иной информации со стороны органов власти рассматривается как акт цензуры, которая в большинстве стран запрещена. При этом аналогичный, инициированный частной IT корпорацией запрет на размещение той или иной информации на ее информационных ресурсах не рассматривается как акт государственной цензуры.

Противостояние IT гигантов и государства

Огромное влияние, которое приобрели IT гиганты, было наглядно и убедительно продемонстрировано в ходе президентской избирательной кампании 2020 г. в США. Крупнейшие IT корпорации тогда поддержали кандидатуру Байдена и открыто выступили против действующего президента, не останавливаясь перед блокировкой его аккаунтов в своих социальных сетях.

При этом поддержка Байдена заключалась не только в прямой агитации. Не меньшую роль сыграл и тот факт, что крупнейшие IT компании заблокировали на своих страницах информацию о переговорах Байдена, который в то время был вице-президентом США, и президента Украины Порошенко в 2015 г. Находясь в то время в Киеве, Байден в ультимативной форме потребовал от Порошенко увольнения Генерального прокурора Украины, угрожая в случае отказа заблокировать предоставление Украине кредита в сумме 1 млрд. долларов [6]. Причина столь категорического требования заключалась в том, что Генеральный прокурор Украины возбудил уголовное дело в отношении руководства украинской компании, в которой сын Байдена занимал должность вице-президента.

Вообще говоря, в случае широкой огласки подобный эпизод ставил крест на политической карьере Байдена. И только политика замалчивания подобного факта, избранная крупнейшими информационными компаниями США, наряду с блокировкой любой публичной активности Трампа привела к избранию Байдена 46-м президентом США.

Подобная ситуация привлекла внимание многих политологов. Вот один из примеров ее оценки. «Эти события продемонстрировали на весь мир власть, которой обладают корпорации. Сейчас Twitter и пр. сыграли за государство, то есть за систему институтов, которая отторгла президента-бунтаря. <...> Однако никто не гарантирует, что в другой ситуации пути технологической олигархии и федеральной бюрократии не разойдутся. <...> Легко предположить, что, когда все уляжется, Конгресс вновь возьмется за попытки ограничить влияние коммуникационных корпораций. <...> Стремление защититься от доминирования информационных корпораций усилится по всему миру. <...> Поиск национальных или региональных альтернатив в коммуникационной сфере активизируется, как и усилия по контролю и ограничению деятельности гигантов в разных странах» [3].

Однако один из главных вопросов, который был поставлен этой кампанией, следующий: имеются ли в распоряжении государства средства, которые позволят регулировать деятельность IT компаний. От ответа на этот вопрос зависит все дальнейшее развитие общественно-политической ситуации не только в США.

При этом речь идет именно о регулировании деятельности этих компаний, а вовсе не о полном контроле государства. Последнее вполне может быть осуществлено (и уже в разной степени осуществлено) в авторитарных или тоталитарных государствах. Дело в том, что различные сервисы, предоставляемые этими IT корпорациями, чрезвычайно востребованы, и полный контроль над их деятельностью вызовет массовое недовольство. Поэтому в государствах авторитарных, где недовольство населения оказывает весьма

слабое влияние на государственную политику, вполне могут осуществляться мероприятия по контролю или даже запрету деятельности частных IT корпораций. В тех же странах, где настроения масс оказывают влияние на государственную политику, речь может идти именно о регулировании их деятельности, при которой они сохраняют функции формирования общественной сферы.

Ситуация в чем-то напоминает имевший место пару десятилетий назад конфликт между государством и транснациональными корпорациями. Тогда тоже раздавались голоса в пользу того, что ТНК с их гигантскими финансовыми ресурсами подминают под себя органы государственного управления, заставляя их действовать в своих интересах. Однако государство нашло возможность в значительной степени поставить под свой контроль деятельность ТНК, и в последнее время представления о ТНК, диктующих свою волю правительствам суверенных государств, звучат все реже.

Один из первых подобных конфликтов возник еще в конце XIX в. В начале 1880-х гг. компания Standard Oil Джона Рокфеллера занимала монопольное положение на нефтяном рынке США. Она контролировала 80% нефтеперерабатывающих заводов и 90% нефтепроводов в США. Подобная ситуация, особенно учитывая все возрастающую роль нефти и продуктов ее переработки в развитии промышленности, энергетики и транспорта, создавала угрозу всей экономической жизни США, и в 1890 г. был принят Антитрастовый закон Шермана, направленный в первую очередь против Standard Oil [2]. После многолетних судебных разбирательств в 1911 г. Верховный суд США принял решение о разделении Standard Oil на 34 самостоятельные компании. Причем этот раздел был проведен таким образом, чтобы ни одна из них не смогла в дальнейшем стать монополистом.

В этих противостояниях государства и компаний монополистов на стороне государства – монополия на правовое регулирование. Представляется, что и в нынешнем противостоянии государства и IT корпораций государство найдет возможности провести программу регулирования деятельности корпораций в интересах общества в целом.

Представление о будущем: инновационные публичные сферы, «новые феодалы» и новые противостояния

Однако можно предположить, что нынешнее противостояние не будет последним. Более того, стремительно развивающиеся коммуникационные технологии будут и в дальнейшем создавать иные возможности для публичной сферы, основанной на инновационных технологических возможностях (например, таких, как искусственный интеллект). В развитии и совершенствовании подобной инновационной публичной сферы

будут по-прежнему заинтересованы сотни миллионов жителей, которые будут вновь видеть возможность выражения своего мнения, проведения независимых дискуссий, получения независимой информации и т.п. Между тем, в дальнейшем, по мере расширения объема и распространения новой публичной сферы, частные кампании, осуществив ее рефеодализацию, вновь могут создать угрозу формирования общественного мнения и осуществления государственной политики в своих интересах. А решение вопросов регулирования со стороны государственной бюрократии деятельности «новых феодалов» опять же будет отставать от темпов обретения ими возможности влияния на политику государства.

И процесс повторится на новом технологическом уровне.

Библиографический список:

1. Багдасарьян Н.Г., Сони́на Л.А. Мнимые единицы публикационной активности в обществе потребления // Высшее образование в России. 2020. Т. 29, №12. С. 90-91.
2. Закон Шермана // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2017. №9. С. 168-170.
3. Лукьянов Ф. Дело Трампа продолжают его враги. О конфликте между национальными суверенитетами и мировыми коммуникационными корпорациями // Газета «Коммерсантъ». 01.01.2021. №1.
4. Уэбстер Ф. Управление информацией и манипулятивные технологии // Теории информационного общества. М., 2004. С. 221
5. Хабермас Ю. Политические функции публичной сферы // Структурное изменение публичной сферы: исследование относительно категории буржуазного общества. М., 2016.
6. Steve Clemons The Biden Doctrine [Electronic resource] // The Atlantic. URL <https://www.theatlantic.com/international/archive/2016/08/biden-doctrine/496841/> (Access: 01.03.2021).

Muzykantskii A.I., Kuvyrkova E.A. Refeudalization of the Public Sphere – another attempt

German philosopher Jürgen Habermas introduced the concept of the public sphere in his 1962 book, where he researched its evolution and reasons for the public sphere emergence, heyday and decline (refeudalization). Many hoped a virtual public sphere could come into existence thanks to IT technologies developed in the late 20th century. However, “Big Tech” managed to monopolise this sphere and can now influence both public opinion and government policy in their own interests. We discuss if the state can fight back by restricting Big Tech power, and suggest that cycles of growth and decline of the public sphere can continue into the future driven by cycles of innovation.

Keywords: the public sphere, refeudalization of the public sphere, the virtual public sphere, Big Tech, Big Tech confrontation with the state